

ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РОССИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.14>

UDC 94(47).081

LBC 63.3(2)521

Submitted: 05.11.2019

Accepted: 07.02.2020

PUBLIC EVENTS AS A FORM OF INTERACTION BETWEEN THE GOVERNMENT AND THE RUSSIAN PUBLIC IN THE SECOND HALF OF THE 1850s¹

Oksana O. Zavyalova

South Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation;
Historical Park “Russia – My History”, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In this article, the public events that took place in Russia during the early years of the reign of Alexander II are considered as one of the forms of interaction between the government and the public. *Methods and materials.* The theoretical and methodological basis of the study was the concept of modernization and the theory of the public sphere of J. Habermas, which made it possible to analyze the relationship between the government and the public in Russia as an outwardly expressed and situationally determined social interaction in the context of preparing modernization transformations. The basis of the research is made by memoirs and correspondence of statesmen and public figures. *Analysis.* It is noted that dinners on the occasion of anniversaries and celebrations in honour of the Sevastopol Defense heroes, as well as other celebrations in the context of the socio-political upsurge of the 1850s, turned into government-public channels, through which representatives of the Russian educated society tried to convey the transformative ideas generated in the public environment to the autocratic power. *Results.* In the first years of the reign of Alexander II, under the influence of a complex of factors, there was a qualitative change in the public sphere in Russia as an interaction zone between the government and educated society towards the formation of a subject-subject government-public relations model, characterized by the desire of both the public and the government to take into account the interests and needs of each other friend to achieve a common goal – the preparation and implementation of a set of reforms.

Key words: Russian Empire, Alexander II, Russian public, public events, public upsurge, public sphere, reforms, modernization.

Citation. Zavyalova O.O. Public Events as a Form of Interaction Between the Government and the Russian Public in the Second Half of the 1850s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 158-171. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.14>

ПУБЛИЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1850-х ГОДОВ¹

Оксана Олеговна Завьялова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Исторический парк «Россия – моя история», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В статье публичные мероприятия, проходившие в столичных городах России в первые годы царствования Александра II, рассматриваются как одна из форм взаимодействия власти и общественности. Теоретико-методологическую основу исследования составили концепция модернизации и теория публичной сферы Ю. Хабермаса, которые позволили проанализировать взаимоотношения власти и общественности в стране как внешне выраженное и ситуативно обусловленное социальное взаимодействие в контексте подготовки модернизационных преобразований. Отмечается, что обеды по случаю юбилеев и чествований героев Севастопольской обороны, а также другие торжества в условиях общественно-политического подъема 1850-х гг. превращались в своеобразные каналы властно-общественной коммуникации, посредством которых представители русского образованного общества пытались донести до самодержавной власти преобразовательные идеи, генерируемые в общественной среде. Русская общественность, представленная интеллектуальной элитой страны – учеными, литераторами, публицистами, стремилась всячески продемонстрировать представителям власти свою активную позицию и закрепить за собой роль субъекта реформаторского процесса, формирующего комплекс актуальных преобразовательных идей. Делается вывод о том, что в первые годы царствования Александра II под воздействием комплекса факторов происходило качественное изменение публичной сферы в России как зоны взаимодействия власти и образованного общества в сторону формирования модели субъект-субъектных властно-общественных отношений, характеризующихся стремлением как представителей общественности, так и власти учитывать интересы и потребности друг друга для достижения единой цели – подготовки и осуществления комплекса реформ. Публичные мероприятия в середине XIX в. стали одной из значимых форм общественного самовыражения, посредством которой образованное общество демонстрировало самодержавной власти свою готовность к соучастию в деле масштабного реформирования страны.

Ключевые слова: Российская империя, Александр II, русская общественность, публичные мероприятия, общественный подъем, публичная сфера, реформы, модернизация.

Цитирование. Завьялова О. О. Публичные мероприятия как форма взаимодействия власти и русской общественности во второй половине 1850-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 158–171. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.14>

Введение. В период общественно-политического подъема первых лет царствования Александра II практически любое публичное мероприятие приобретало демонстративный и общественно значимый характер. Русская общественность, «не довольствуясь словом и пером», стремилась выразить свою позицию по злободневным вопросам российской действительности с помощью различных форм взаимодействия с властью. Особенно активно общественная жизнь в рассматриваемый период протекала в обеих столицах страны – Москве и Петербурге, где концентрация пред-

ставителей русского образованного общества была наивысшей. К публичным формам, в рамках которых осуществлялась властно-общественная коммуникация, относились торжественные мероприятия (обеды по случаю юбилеев и других праздничных событий), а также контакты представителей власти и общественности в рамках деятельности научных и общественных организаций.

Многочисленные публичные мероприятия второй половины 1850-х гг., проходившие в обеих столицах России, рассматривались исследователями по отдельности как яркие

эпизоды из общественно-политической жизни страны, в отрыве от анализа развития взаимоотношений власти и общественности в данный период [5, с. 426–456; 6, с. 492–501; 10; 23; 30, с. 490–491]. В советской историографии приоритетным являлось изучение революционного движения, деятельность либералов, идущих на компромисс с властями, подвергалась критике [15; 22; 25]. Один из ведущих специалистов в области изучения русской либеральной общественной мысли XIX в. В.А. Китаев также затрагивал данную проблему в ряде своих работ, анализируя ее в контексте складывания ранней политической программы либерализма [11, с. 83–85, 154; 12, с. 81; 13, с. 337]. Современные отечественные исследователи, рассматривая процесс идейного влияния представителей интеллектуальной элиты на власть в 1850-е гг., устанавливают устойчивую взаимосвязь между изменениями правительственной политики и общественного мнения, в частности – по крестьянскому вопросу [4, с. 4; 28, с. 126]. При этом анализу основных коммуникационных «каналов» общественного влияния на власть в условиях общественно-политического подъема второй половины 1850-х гг. уделяется недостаточно внимания. Предметом специального рассмотрения они не стали и на прошедшей в Санкт-Петербурге в декабре 2018 г. Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения императора Александра II [3]. В связи с этим целью данного исследования является анализ и выделение специфики публичных форм взаимодействия власти и общественности в первые годы царствования Александра II в контексте процесса подготовки Великих реформ.

Методы и материалы. Теоретико-методологическую основу исследования составила концепция модернизации, которая позволила рассмотреть реформаторский процесс царствования Александра II как очередной этап модернизационных преобразований в России, повлекший за собой изменение традиционной модели взаимоотношений власти и образованного общества. С помощью коммуникативного подхода изучения публичной сферы, разработанного Ю. Хабермасом [33, р. 6–7], удалось рассмотреть публичные мероприятия как одну из основных форм комму-

никации между образованным обществом и властью в России середины XIX века. Наряду с этим при анализе источников были использованы методы интеллектуальной истории, позволяющие выявить условия возникновения и движения основных идей, взглядов и настроений представителей общественности и власти, рассмотреть их в конкретно-историческом социокультурном контексте.

Источниковую базу исследования составили воспоминания и переписка государственных и общественных деятелей, позволяющие раскрыть характер их взаимоотношений в данный период. Также были проанализированы торжественные речи, произнесенные общественными деятелями на обедах, как опубликованные в периодической печати, так и хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации.

Анализ. Одной из значимых форм взаимодействия власти и образованного общества в России являлись различные торжественные мероприятия, которые во второй половине 1850-х гг. приобрели острое общественно-политическое звучание. Содержательное изменение этого традиционного канала властно-общественной коммуникации было связано прежде всего с приходом к власти нового императора Александра II, первые годы царствования которого ознаменовали начало новой переходной эпохи середины 1850-х – начала 1860-х гг. с неустойчивой динамикой общественного развития.

Публицист Н.В. Шелгунов, характеризуя особенности нового этапа в развитии русской общественной жизни второй половины 1850-х гг., замечал: «Единоличная воля в таких случаях исчезает, и всеми, сверху донизу, овладевает один общий жизненный порыв... когда в каждом и во всех пробуждается критическая мысль, каждый и все начинают думать» [31, с. 42]. После смерти императора Николая I и падения Севастополя в 1855 г. подавляющее большинство мыслящих, интеллигентных людей России прониклось критическими настроениями, игнорировать которые власть не могла, стремясь сохранить поддержку образованной части общества в условиях намечавшихся преобразований.

В этот период практически каждое публичное мероприятие превращалось в канал

властно-общественной коммуникации, по которому транслировались актуальные идеи социального развития. Празднование 53-летней годовщины Казанского университета 5 ноября 1857 г. в Петербурге разительно отличалось от торжеств в честь юбилея Московского университета. В 1854 г. Николай I запретил празднование 50-летнего юбилея Казанского университета. Во многом поэтому празднование «некруглой» годовщины открытия крупнейшего научного и образовательного центра, которым являлся Казанский университет, превратилось в значимое общественное событие. Данное мероприятие и многочисленные выступления на нем стали достоянием гласности, будучи опубликованными в популярном журнале «Русский вестник».

На этом торжестве наряду с высокопоставленными чиновниками присутствовали и представители общественности – литераторы и ученые – все бывшие студенты Казанского университета разных выпусков. Старейший из студентов С.Т. Аксаков, приглашенный на торжество, не смог приехать из-за болезни и вместо себя прислал своего сына Ивана Сергеевича, произнесшего речь, в которой отразился один из самых актуальных вопросов общественной жизни России. Подчеркивая особые условия настоящего времени, «когда много шлагбаумов снято с мысли и слова и русской литературе открыт большой простор для деятельности» и отмечая «современное высокое призвание русской литературы», которая должна озарять путь русскому обществу, Аксаков предложил тост «в честь русской литературы, в честь высокого подвига, предстоящего независимому общественному русскому слову» [20, с. 66]. Чиновник особых поручений при министре внутренних дел П.И. Мельников в своем выступлении процитировал следующие слова из либерального стихотворения П.А. Вяземского «Петербург» 1818 г., в свое время урезанного цензурой и ходившего в списках: «И просвещение взаимной пользы цепью / Тесней соединит владыку и народ... / И Александров век светилom незакатным / Торжественно взойдет на русский небосклон...» [9]. Общим лейтмотивом выступлений стала надежда на то, что приветствуемый обществом новый император обратит внимание на новую силу – стихийно возникшее независимое слово.

26 ноября 1855 г. в Москве в зале Художественного собрания состоялось празднование 50-летнего юбилея сценической деятельности актера М.С. Щепкина. Торжество было инициировано С.Т. Аксаковым, С.М. Соловьевым, М.П. Погодиным, которых поддержало московское общество [5, с. 426–427]. На торжественном обеде присутствовало около 300 человек, многие из которых составляли московскую интеллектуальную элиту. Такая представительность торжества не была случайной, ведь фигура актера объединяла несколько поколений передовых деятелей русского искусства. Щепкин состоял в приятельских отношениях с А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, И.С. Тургеневым. Многие почерпнул для себя актер от общения с «людьми сороковых годов» – В.Г. Белинским, Т.Н. Грановским, А.И. Герценом, с семьями Аксаковых и Киреевских. Щепкин принимал участие в деятельности литературных и философских кружков 1830–1840-х гг., а в своих сценических образах воплощал и усиливал те нравственно-просветительские и обличительные функции, которые в этот период выполняла передовая русская литература. На обеде было произнесено и зачитано много речей и приветствий от литераторов, профессоров, московских и петербургских коллег по актерскому цеху. В каждой из них прославлялись заслуги, талант и личные качества артиста. Не раз упоминалось имя Т.Н. Грановского, личность которого объединяла передовое русское общество и являлась для него нравственным ориентиром. После предложенного Погодиным тоста за здоровье старшего товарища Щепкина – драматурга С.Т. Аксакова – последовал ответный тост его сына Константина Аксакова «в честь общественного мнения», который превратил торжественное чествование юбиляра в открытую общественную демонстрацию. Константин Сергеевич подчеркнул, что «выражение общественного сочувствия, общественного мнения драгоценно и его отец ставит это превыше всего [32, с. 270]. Сам С.Т. Аксаков писал по этому поводу другому своему сыну Ивану: «Две секунды продолжалось молчание и разразилось криком и громом рукоплесканий. Все встали со своих мест, чокались, обнимались, незнакомые знакомились с Константином... Ни музыкой, ни тос-

том в честь искусства и театра не могли унять хлопанья и крика» [5, с. 444–445]. Показательным фактом было то, что среди приветствовавших данный тост были не только деятели науки и искусства, но и представители торгово-промышленных кругов – крупный промышленник В.А. Кокорев, купцы – С.И. Мамантов и К.В. Прохоров, а также управляющий канцелярии московского военного генерал-губернатора Ф.П. Корнилов. Такой бурный отклик в собравшемся обществе тост Аксакова получил из-за широко распространенной в общественной среде идеи о необходимости предоставления свободы общественному мнению. Верным средством для этого считалась свобода устного и печатного слова, о которой как о неотъемлемом праве человека Константин Аксаков написал в этом же году в своей «Записке о состоянии России», составленной на имя императора Александра II.

Выступление Аксакова, придавшее торжественному обеду общественно-политическое звучание, было неоднозначно воспринято в общественных и правительственных кругах. По приказанию генерал-губернатор Москвы А.А. Закревского, это событие было запрещено освещать в московских газетах. Но историк и публицист М.П. Погодин все же разместил в своем «Москвитянине» статью об этом событии, а также все речи и приветствия, произнесенные на обеде, в том числе и тост Аксакова [32].

Это событие взбудоражило не только московское, но и петербургское общество. Выдающийся общественный деятель К.Д. Кавелин из Петербурга писал по этому поводу М.П. Погодину: «Щепкинский обед тоже тревожит здесь всех и служит предметом сильных разговоров. Если все так было, как рассказывают, то нельзя не пожалеть, что Аксаков поторопился с тостом» [5, с. 444]. Содержание тоста не вызвало у Кавелина возражений, выступавшего, как и славянофилы, за свободу слова. В целом вторая половина 1850-х гг. в исследовательской литературе характеризуется как период преодоления теоретических расхождений в русском либеральном движении [11, с. 164]. Публичные мероприятия острого общественно-политического характера, пик которых пришелся на данный период, сыграли в этом процессе свою консолидиру-

ющую роль, объединяя практические устремления западников и славянофилов. Кавелина скорее обеспокоила реакция власти на это событие и последовавшие стеснительные меры, которые могли негативно отразиться на налаживающихся отношениях власти и общества и «прибить» возникшие ростки свободного общественного развития. Дело в том, что на обеде присутствовали представители власти – начальник 2-го (Московского) округа корпуса жандармов С.В. Перфильев, попечитель Московского учебного округа В.И. Назимов, сенатор А.И. Казначеев [5, с. 445]. Кавелин опасался, что содержание речи Аксакова могло быть неверно ими истолковано и представлено в петербургских верхах в невыгодном свете.

В конце 1855 и на протяжении 1856 г. в Москве состоялось несколько так называемых славянофильских обедов, чествовавших героев обороны Севастополя. Своё неформальное название они получили благодаря тому, что активную роль в них играли представители славянофильского течения общественной мысли. Наряду с приветствием севастопольских героев и выражением чувств любви и благодарности по отношению к ним в речах участников данных мероприятий содержались явные отсылки к кризисному положению, в котором находилась Россия на заключительном этапе войны, и намеки на необходимость широких реформ, что в итоге придавало им характер политических демонстраций. Сдача Севастополя в августе 1855 г. в общественном сознании современников приобрела символическое значение, ознаменовав собой неутешительный итог николаевского царствования. На фоне обличения «всей гнили правительственной системы, всех последствий удушающего принципа...» [1, с. 385] оборона «многострадального города» и подвиги ее героев становились утешением для национальной гордости униженной поражением России. Возвеличивание мужества и стойкости севастопольского гарнизона было тесно связано с пробуждающимися общественными надеждами на устройство лучших условий жизни в России, на обновление всего государственного строя.

Особенно ярко эти общественные настроения проявились в речи М.П. Погодина,

произнесенной на обеде в честь «отца солдат» генерала С.А. Хрулева, состоявшемся 18 декабря 1855 г. по инициативе членов Английского клуба. В выступлении историка отразилось влияние ключевого события Крымской войны на общественное сознание. В частности, Погодин отмечал, что героическая оборона города на протяжении 11 месяцев являлась для русского общества «животворною банею... освежая, обновляя, поднимая все наши нравственные силы, возвышая дух...» [5, с. 451] и тем самым ориентируя его на активную деятельность. Схожее мнение высказывал славянофил И.В. Киреевский, который, ознакомившись с речью Погодина, писал ему: «...Эти страдания очистительны; эта болезнь к здоровью. Мы бы загнили и задохлись без этого потрясения до самых костей». Вместе с тем он отмечал, что в эту эпоху в недрах России «рождается что-то великое, небывалое в мире» [5, с. 455].

В конце февраля 1856 г. в Москве прошла серия публичных обедов в честь флотских экипажей Севастополя. Организаторами выступили московские купцы, поддержанные Ремесленной и Цеховой управами и представителями московской общественности. Особенно сильное впечатление на образованное общество производили приветствия и тосты близкого к славянофильским кругам предпринимателя В.А. Кокорева, который выступил одним из основных организаторов патриотических торжеств, устроив за свой счет приезд из Петербурга морских офицеров – участников Севастопольской обороны. Следует отметить, что во второй половине 1850-х гг. Кокорев становится значимой публичной фигурой. Он не только прилагал значительные усилия по организации общественных мероприятий, но и неожиданно для многих выступил в роли пламенного оратора, речи которого отражали господствующие в обществе обновленческие настроения. На обеде 23 февраля, данном Кокоревым в залах Купеческого собрания, он произнес речь, в которой от лица всех русских людей благодарил морских офицеров и моряков за стойкость и героизм, проявленные на севастопольских бастионах. Но вместе с тем его выступление содержало в себе актуальную общественно-политическую идею. Кокорев выражал надежду на то, что

самоотверженность севастопольских моряков воодушевит русское общество: «Дай Бог нам способность воспринять хотя часть вашего самопожертвования и забвения о самих себе, и тогда, по приложении сих добродетелей к делам общей пользы, мы нашли бы скорую возможность возвеселить нашего возлюбленного монарха плодами внутреннего преуспевания» [5, с. 497]. На другом обеде, состоявшемся 26 февраля, Кокорев вновь поразил современников глубиной и точностью, с которой он в своем выступлении передал особенность настоящего момента для русского общества и всю степень влияния на него Крымской войны. Обращаясь к героям Севастопольской обороны, он отметил, что развитие «русской силы», подразумевая под этим внутренний духовный потенциал русского общества, происходило в военные годы под воздействием «общего горя» и патриотического энтузиазма, а войны в российской истории играли роль «будильников», которые обновляли, развивали мысль, толкали общество вперед [5, с. 515–516]. Обе речи особенно поразили С.Т. Аксакова и К.Д. Кавелина, и последний в письме к Погодину так писал об услышанном: «...Сколько свежести, глубины и силы! Так не говорят у народов, собирающихся умереть, хотя гнили, гнили столько, что не оберешься» [5, с. 517]. О подробностях московских торжеств и о содержании произносимых там речей Погодин сообщил в письме личному секретарю великого князя Константина Николаевича – А.В. Головину. Великий князь, ознакомившись с застольными речами, выразил желание видеть и лично благодарить Кокорева [5, с. 520–521].

Заключительным в серии патриотических обедов стал организованный по инициативе сенатора С.П. Шипова, поддержанного славянофилами, банкет в честь начальника севастопольского гарнизона графа Д.Е. Остен-Сакена, данный 5 марта 1856 г. в Дворянском собрании. Его особенностью стало то, что в застольных речах, произносимых на нем, русское общество фактически противопоставлялось государству и подчеркивалось его самостоятельное значение в общественно-политической жизни страны. Так, в своем приветственном слове К.С. Аксаков отмечал, что в отличие от государства общество «чтит заслуги человека добровольным выражением

своего внутреннего сочувствия и уважения» [2, с. 120] и данный обед является именно общественным выражением чувств глубокой признательности русского общества к храброму воину. М.П. Погодин, также выступивший на обеде, среди всех достоинств военачальника Остен-Сакена особенно подчеркивал то, что «для русского солдата не заменит никакая наука, никакая ученость, никакой ум, никакие способности», завещанное всякому военачальнику еще А.В. Суворовым. Всем присутствовавшим на обеде было ясно, что этим достоинством является честность, в недостатке которой в этот период упрекали многих военных и чиновников Российской империи, погрязших в злоупотреблениях властью и воровстве, достигших во время Крымской войны катастрофических масштабов. Это выступление, содержащее в себе скрытую критику власти, вызвало неудовольствие в высших правительственных кругах, которое, однако, не было высказано открыто. Так, в конце марта 1856 г. во время пребывания императора в Москве военный министр В.А. Долгоруков вызвал Погодина к себе. В связи с этим В.Ф. Корш в письме интересовался у него: «Правда ли, что князь Долгоруков выразил вам свое неудовольствие за обед Остен-Сакену?» На самом деле, как сообщал сам Погодин, министр ничего особенно ему не сказал, но обронил фразу: «Сакеном Вы нас задели, но это ничего» [5, с. 554].

Представителям власти было трудно отказаться от привычной «запретительной» модели поведения в отношении общественности. Это проявилось в ряде эпизодов, связанных с обедом в честь Остен-Сакена. Так, например, начальник второго округа Отдельного корпуса жандармов С.В. Перфильев отмечал, что «в речи Погодина многие выражения признаются неуместными и неприличными» [5, с. 540–541]. Помимо этого, он сообщал в Петербург, что внешний вид А.С. Хомякова, явившегося на обед в русском платье и с бородой, «очень удивил и, как видно, оскорбил» присутствовавшего на обеде князя С.М. Голицына – одного из крупнейших сановников империи. После этого Хомякову по именному высочайшему повелению было запрещено носить бороду и русское платье в публичных местах [7, с. 66]. Этот незначительный

эпизод произвел неприятное впечатление на образованное общество и особенно на славянофилов. Видный представитель славянофильства А.И. Кошелев в письме Погодину писал по этому поводу: «...мошенники, взяточники, лакеи торжествуют, а люди независимые, мыслящие всех партий повесили нос» [5, с. 541]. В ответ на эту правительственную меру, несоответствующую атмосфере общественного подъема начала нового царствования и считавшуюся каким-то «недоразумением, обманом и клеветой» со стороны А.А. Закревского, С.М. Голицына и других лиц, в славянофильской среде было составлено коллективное письмо [18, с. 359]. В нем подчеркивалось, что, посягнув на бороду, правительство посягнуло на народность, к которой не преминуло обратиться в тяжелую годину Крымской войны, созывая ополчение. Здесь звучал прямой упрек власти за то, что она снова вмешалась в «частные дела граждан» и, как в тяжелые для общественной жизни николаевские годы, «все подводит под лекало единообразия» [16, с. 136]. Народность в данном контексте понималась не только как «символ самостоятельности и духовной свободы» русского общества, но и как обращение власти в лице императора к народу, «живительную силу» которого сокрушатся «ложь, взятки и всякая безнравственность» [16, с. 138]. Это письмо, по замыслу славянофилов, должно было «произвести реакцию» в Петербурге против «недобросовестных сановников» и тем самым обратить внимание императора на всю несправедливость этой меры и ущемление прав благонамеренных людей. Составление данного письма ярко демонстрировало непоколебимую веру в нового императора, который не может запретить «русским быть и казаться русскими» [16, с. 138]. Данный эпизод свидетельствует о значительных изменениях в сознании общества, которое в новых условиях крайне болезненно воспринимало любую запретительную меру властей и было готово отстаивать свое право на самовыражение.

Московские обеды, чествовавшие сева-стопольских героев, ярко демонстрировали трансформацию патриотического энтузиазма русского общества в общественно-политический подъем. Общественность использовала

любую возможность для публичного выражения своей готовности поддерживать новое правительство и помогать ему на пути устранения всяческих злоупотреблений и проведения преобразований. Вместе с тем эти обеды также становились очередным поводом, благодаря которому можно было публично обратиться к актуальным проблемам и напомнить власти о необходимости их скорейшего разрешения. В них проявилась определенная тенденция в развитии русской общественной жизни, связанная с продолжавшимся во второй половине 1850-х гг. процессом оформления общественности как самостоятельного «актора» общественно-политической жизни России. Это выражалось в частом противопоставлении живой общественной силы бездушности и бездарности правительственных распоряжений. Так, например, Погодин противопоставил организованные общественностью чествования севастьяпольских героев как проявление «свободного движения частных людей» нерасторопности московских властей и, в частности, московского генерал-губернатора, который, по словам историка, «боялся выражения любовных народных чувствований, точно как на Западе правительство боится враждебных демонстраций оппозиции» [5, с. 528].

Вместе с тем присутствие на данных торжествах представителей высших московских властей (один из обедов 21 февраля 1856 г. состоялся в доме генерал-губернатора), интерес, проявленный императором к содержанию произносимых там речей [5, с. 541], а также широкое освещение этих торжественных событий в печати превращало их в общественные демонстрации, схожие по своему значению с политическими банкетами более позднего времени. В связи с этим можно утверждать, что во второй половине 1850-х гг. в России складывалась традиция активного социального поведения в форме обедов и других публичных мероприятий, главной целью которых являлось стремление обратить на себя внимание власти и довести до нее значимые идеи, распространенные в общественной среде.

Большое впечатление на русскую общественность произвело опубликование рескриптов 1857 г., определявших правительственную

программу крестьянской реформы и означавших переход к гласному обсуждению крестьянского вопроса. Славянофил А.И. Кошелев, характеризуя общественную реакцию на первые публичные правительственные меры в крестьянском вопросе, отмечал, что «зима 1857/58 г. была до крайности оживлена. Такого исполненного жизни, надежд и опасений времени никогда прежде не бывало. Толкам, спорам, совещаниям, обедам с речами и пр. не было конца. Едва ли выпущенный из тюрьмы после долгого в ней содержания чувствовал себя счастливее нас, от души желавших уничтожения крепостной зависимости людей в отечестве нашем и, наконец, получивших возможность во всеуслышание говорить и писать о страстно любимом предмете и действовать как будто свободно» [24, с. 98].

Видимо, на Кошелева большое впечатление произвели обеды, данные в Москве 28 декабря 1857 г. и 16 января 1858 г., на последнем из которых он также присутствовал. Данные обеды «по случаю эманципации» стали выражением стремления либеральной общественности – московских и петербургских литераторов и ученых – выразить верноподданнические чувства императору, приветствовать «Царя-освободителя» и начало подготовки крестьянской реформы. Декабрьский обед, состоявшийся в залах Купеческого собрания, был инициирован редактором «Русского вестника» М.Н. Катковым и профессором Петербургского университета К.Д. Кавелиным. Следует отметить, что идеологи славянофильства решили на нем не присутствовать, чтобы лишней раз не раздражать правительство [29, с. 184]. Сообщение об обеде, а также все выступления на нем – М.Н. Каткова, писателей Н.Ф. Павлова, А.В. Станкевича, профессора истории М.П. Погодина, профессора политической экономии И.К. Бабста, К.Д. Кавелина и В.А. Кокорева – были опубликованы в «Русском вестнике» [26]. Во всех выступлениях выражалась готовность общественности с помощью литературы «содействовать великому преобразованию, преобразованию любви и добра, соответственным великодушным намерениям Государя, заодно с правительством» [29, с. 186–187]. В речи Кокорева, не произнесенной на обеде, но опубликованной в «Русском вестнике» как «дополнение» к упо-

мянутой статье, вместе с призывом к купцам принять участие в деле освобождения крестьян было высказано важное общественное требование расширения гласности мнений, «сообщаемых из каждой местности во всеобщее сведение широкопечатным печатным словом» [29, с. 193]. Позднее среди участников обеда распространился слух о том, что торжественные речи были представлены императору в рукописи и благосклонно им приняты [6, с. 492]. Однако в действительности какой-либо официальной благодарности от императора не последовало.

В свою очередь, реакция московских властей на опубликование речей, произнесенных на «обеде эманципаторов», последовала незамедлительно. Чиновник особых поручений С.Н. Палаузов в своем рапорте сообщал министру народного просвещения А.С. Норову: «Речи противоречат последнему предписанию Вашего высокопревосходительства о недозволении печатать статьи, в коих допускаются суждения о крестьянском вопросе». И далее продолжал: «Долгом считаю, впрочем, заметить, что речи эти отнюдь не противоречат мерам правительства, выраженным в Высочайших рескриптах по случаю улучшения быта помещичьих крестьян, напротив, они живо и рельефно выражают те благодетельные последствия, которые непосредственно произойдут от выше приведенных мер правительства, явно направленных на будущее благоденствие земледельческого класса» [21, л. 48]. Тем не менее, несмотря на важное замечание чиновника о несомненном благоприятном направлении выступлений на обеде, дополнительная речь Кокорева, отпечатанная отдельной брошюрой в типографии Каткова, была запрещена к распространению, а существующие экземпляры уничтожены [23, с. 111]. Во многом этому способствовал московский генерал-губернатор А.А. Закревский, который, по словам амнистированного декабриста Н.А. Басаргина, представил этот обед верховной власти «в виде опасной для спокойствия столицы протестации со стороны оппозиционной партии» [8, с. 277]. В своих воспоминаниях В.А. Кокорев сообщал, что после обеда 28 декабря 1857 г. «граф Закревский прислал за мной и наговорил мне в самых желчных выражениях таких страхов и ужасов

и таких угроз, что я счел за лучшее выслушать все их молча без всяких возражений» [14, с. 268–269].

Но предупреждение Закревского не остановило общественной деятельности Кокорева, за которым уже было установлено негласное наблюдение полиции. Вошедший во вкус публичной деятельности предприниматель 16 января 1858 г. организовал в своем доме очередной обед, на который было приглашено около 100 человек, что снова вызвало негативную реакцию у московских властей. На банкете торжественные речи были произнесены самим хозяином, славянофилами Ю.Ф. Самариним, А.И. Кошелевым, а также одним из уездных предводителей дворянства Нижегородской губернии, сыном известного историографа А.Н. Карамзиным. В выступлениях вновь подчеркивалась особенность настоящего момента, знаменовавшего собой начало новой эпохи всеобщего обновления, когда «Царь направил все общественные мысли к делу». По словам Кокорева, в наступившем 1858 г. «предчувствуется торжество русского слова» и в этот год «ничем не заглушаемая мысль положит конец нашему бессловию» [27, л. 1]. Кошелев предложил тост в честь гласности, которая, по его замечанию, в царствование Александра II «вводворяется в России и обхватывает все более и более круг нашей умственной и гражданской деятельности». Славянофил также выразил уверенность в том, что «большая по возможности гласность» является одним из главных условий успешного разрешения крестьянского вопроса, ведь она «одна в силах противодействовать ложным слухам», распространяющимся в крестьянской среде [27, л. 4]. На обеде затрагивались и актуальные проблемы сельского хозяйства, открытое обсуждение которых в это время ограничивалось властями (вопрос о поземельной общине, о доходности помещичьих хозяйств) [27, л. 11 об.]. Особо отмечалось, что представители общности – все те, кто так или иначе занимается разработкой проектов и предложений по решению крестьянского вопроса, смогут удостоверить императора в том, что «из общих наших рассуждений выработается устройство Его любезной России» [27, л. 12 об.]. По окончанию обеда в своей заключительной

речи Кокорев предложил собрать подписку на новый грандиозный обед в Большом театре по случаю трехлетия восшествия на престол императора Александра II «для выражения верноподданнической любви и преданности к Его Величеству», назначенный на 19 февраля 1858 года. Предложение было восторженно принято, и в открытой подписке среди приглашенных на обед есть имена как государственных, так и общественных деятелей, московских предпринимателей². На готовившемся обеде Кокорев планировал обсудить разрабатываемый им план учреждения частного банка для выкупа у помещиков всей необходимой для крестьян земли³ и составить обращение к великому князю Константину Николаевичу, который, по замыслу предпринимателя, должен был принять этот банк с собранной суммой под свое покровительство и полное ведение [19, с. 205]. По мнению Кокорева, создание банка из пожертвований богатых купцов было необходимо для того, чтобы «помещики видели, что за земли, поступающие к крестьянам, деньги есть, готовы, налицо, чтобы крестьяне убедились в том, что они остаются не на воздухе, а со всеми владеемыми ими полями и покосами» [27, л. 12 об.].

В своем конфиденциальном донесении от 18 января 1858 г. шефу жандармов В.А. Долгорукову московский генерал-губернатор А.А. Закревский сравнивал обед в доме у Кокорева с «западными митингами, развивающими демократические идеи». Закревский был крайне недоволен активностью купца в деле, которое, по его мнению, должно было решаться исключительно дворянством. Тем более непозволительным ему казалось то, что Кокорев как купец, не являвшийся выходцем из сословия, которому было дозволено заниматься обсуждением крестьянского вопроса, позволил себе обратиться к нижегородскому дворянству в лице Карамзина, чем оскорбил все сословие дворян. Также, по мнению Закревского, страсти и толки, которые возбуждают в народе торжественные речи на обедах, «легко могут породить беспорядки и обрушить на слепую толпу всю строгость закона» [19, с. 202–203]. В заключение своего донесения московский генерал-губернатор спрашивал высочайшего мнения о том, можно ли допускать в дальнейшем «митинги наподобие

заграничных и публичные политические обеды с речами об эмансипации» [6, с. 499–500]. В итоге из Петербурга последовало Высочайшее повеление от 24 января 1858 г., в соответствии с которым Кокорева особой подпиской обязали отказаться от подготовки обеда 19 февраля 1858 г. и к тому же «не позволять вообще публичных политических собраний и обедов с произнесением речей о государственных вопросах» [19, с. 208].

Даже после исполнения высочайших распоряжений в отношении Кокорева Закревский к письму князю А.Ф. Орлову от 15 февраля 1858 г. приложил отдельную записку о московском купце. Проявленная Кокоревым инициатива и его призыв к публичному обсуждению идеи учреждения частного банка были в ней истолкованы как «тщеславная выходка» и попытка «всеми путями добиться народности». Закревский замечал: «Пусть бы писал и представлял свои проекты правительству. — Но к чему эта гласность, которой он так нагло ищет и в России и за границей? Разве для нас мало Царского слова, которым двинуто дело об уничтожении крепостного права?» [19, с. 210]. Московский генерал-губернатор, имевший репутацию непримиримого борца с любыми свободными проявлениями общественной жизни, являлся ярким примером того государственного деятеля — «административной головы», который не хотел учитывать тот факт, что в стране в лице общественности появилась новая интеллектуальная сила, требовавшая гласности в действиях правительства. В эпоху, когда в обществе особой популярностью пользовался герценовский «Колокол» и на слуху были слова из него о том, что «там, где нет гласности, там, где нет прав, а есть только царская милость, там не общественное мнение дает тон, а козни передней и интриги алькова» [17, с. 43], действия Закревского казались еще более неуместными и анахроничными, тормозящими прогрессивное развитие общественно-политической жизни страны.

Результаты. Таким образом, во второй половине 1850-х гг. русская общественность стремилась использовать любые институциональные и внеинституциональные публичные формы для выражения своих взглядов по актуальным вопросам российской действительности и взаимодействия с представителями

высших российских властей. Именно с этого периода обеда и другие публичные мероприятия превращаются в одну из значимых форм общественного самовыражения, посредством которой общество демонстрировало власти свою готовность к «великому делу внутреннего благоустройства». Русская общественность опасалась сохранения модели взаимодействия власти и образованного общества царствования Николая I, характеризующейся чрезмерной государственной опекой «сверху» всех общественных функций и проявлений общественной инициативы, противопоставлением казенного частному, что замедляло встречное движение «снизу» и способствовало всевозможным злоупотреблениям. Представители русского образованного общества стремились всячески продемонстрировать власти свою активную позицию и закрепить за собой роль субъекта реформаторского процесса, формирующего комплекс актуальных преобразовательных идей. В торжественных речах многочисленных обедов этого периода звучала основная идея о необходимости соединения самодержца и народа, власти и образованного общества в общей работе по подготовке преобразований. Общественность в первые годы царствования Александра II не только заявила о своем праве на участие в реформаторском процессе, но и своей активной общественной деятельностью, выражавшейся, в том числе, в организации публичных мероприятий, оказывала идейное давление на власть, способствуя скорейшему проведению назревших реформ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья написана в рамках исследования «Модернизация России: исследовательский опыт и образовательные практики» при финансовой поддержке гранта Южного федерального университета (ЮФУ) (проект № ВнГр-07/2017-16).

The article was written in the framework of the research «Modernization of Russia: research experience and educational practices» with the financial support of a grant from the Southern Federal University (SFU) (project No. VNGr-07/2017-16).

² Наряду с сенатором С. П. Шиповым, начальником 2-го московского округа корпуса жандармов С.В. Перфильевым, московским цензором Н.Ф. фон Крузе, оренбургским вице-губернатором Е.И. Ба-

рановским в обеде 19 февраля предполагали принять участие славянофилы А.И. Кошелев, Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков, литературные деятели Н.Х. Кетчер, М.Н. Катков, А.Н. Островский и многие другие.

³ В.А. Кокорев свой проект освобождения крестьян с землей при участии купеческого сословия развивал не только в выступлениях на торжественных обедах. В 1859 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась его статья «Миллиард в тумане», в которой был изложен план реформы. Идея учреждения частного банка, в который Кокорев со своей стороны хотел внести 3 млн руб., была представлена им в письме к министру внутренних дел от 21 января 1858 г., внесенном им в Главный Комитет по крестьянскому делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков, И. С. Письма к родным (1849–1856) / И. С. Аксаков. – М. : Наука, 1994. – 653 с.
2. Аксаков, К. С. Застольное слово К.С. Аксакова на обеде, данном в Москве графу Д.Е. Сакену / К. С. Аксаков // Русский архив. Историко-литературный сборник. – 1895. – № 5. – С. 119–120.
3. Александр II: два века в памяти России (1818–2018) / сост., гл. ред. В. В. Яковлев. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. – 478 с.
4. Арсланов, Р. А. Либеральный проект освобождения крестьян в России / Р. А. Арсланов // Genesis: исторические исследования. – 2012. – № 2. – С. 1–49.
5. Барсуков, Н. П. Жизнь и труды М.П. Погодина. В 22 кн. Кн. 14. / Н. П. Барсуков. – СПб. : Погодин и Стасюлевич, 1900. – 641 с.
6. Барсуков, Н. П. Жизнь и труды М.П. Погодина. В 22 кн. Кн. 15. / Н. П. Барсуков. – СПб. : Погодин и Стасюлевич, 1901. – 552 с.
7. Бартенев, П. И. Воспоминания / П. И. Бартенев // Российский Архив : История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах. – М. : Студия ТРИТЭ : Рос. Архив, 1994. – Т. 1. – С. 47–95.
8. Басаргин, Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи / Н. В. Басаргин. – Иркутск : Вост.-сиб. кн. изд-во, 1988. – 542 с.
9. Вяземский, П. А. Петербург (отрывок). 1818 г. / П. А. Вяземский // Стихотворения. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://vyazemskiy.lit-info.ru/vyazemskiy/stih/stih-50.htm> (дата обращения: 12.10.2019). – Загл. с экрана.
10. Дружинин, Н. М. Москва в годы Крымской войны / Н. М. Дружинин // Вестник АН СССР. – 1947. – № 6. – С. 49–63.
11. Китаев, В. А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века / В. А. Китаев. – М. : Мысль, 1972. – 288 с.

12. Китаев, В. А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.) / В. А. Китаев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – 380 с.
13. Китаев, В. А. XIX век: пути русской мысли : науч. тр. / В. А. Китаев. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2008. – 355 с.
14. Кокорев, В. А. Воспоминания давно прошедшего / В. А. Кокорев // Русский архив. Историко-литературный сборник. – 1885. – Вып. 3. – С. 263–272.
15. Левин, Ш. М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века / Ш. М. Левин. – М. : Соцэкгиз, 1958. – 510 с.
16. Мазур, Н. Н. Дело о бороде. Из архива Хомякова: письмо о запрещении носить бороду и русское платье / Н. Н. Мазур // Новое литературное обозрение. – 1994. – № 6. – С. 127–138.
17. Москва // Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева : Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон – Женева : [в 11 вып.] / [предисл. М. В. Нечкиной и Е. Л. Рудницкой]. – Факсимильное изд. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – Вып. 1. – С. 43.
18. Письма к А.Н. Попову (1840–1860) – А.И. Кошелева // Русский архив. Историко-литературный сборник. – 1886. – Вып. 3. – С. 357–362.
19. Попельницкий, А. Запрещенный по высоч. повелению банкет в Москве 19 февраля 1858 г. / А. Попельницкий // Голос минувшего. – 1914. – № 2. – С. 202–212.
20. Пятьдесят-третья годовщина Казанского университета // Русский вестник. – 1857. – Т. 12. – С. 59–66.
21. Рапорты чиновника особых поручений С.Н. Палаузова об отсутствии нарушений цензурных правил в просмотренных им книгах и периодических изданиях и о замечаниях по отдельным изданиям, принятых к сведению // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 772. – Оп. 1, ч. 2. – Д. 3989. – 68 л.
22. Революционная ситуация в России в середине XIX века / под ред. М. В. Нечкиной. – М. : Наука, 1978. – 439 с.
23. Репинецкий, С. А. Московский цензурный комитет и политика в отношении печати накануне отмены крепостного права / С. А. Репинецкий // Российская история. – 2011. – № 2. – С. 109–116.
24. Русское общество 40–50-х годов XIX в. – Ч. 1 : Записки А.И. Кошелева / сост., вступ. ст., ред. Н. И. Цимбаева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 235 с.
25. Сладкевич, Н. Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века / Н. Г. Сладкевич. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – 286 с.
26. Современная летопись // Русский вестник. – 1857. – Т. 12. – С. 203–217.
27. Тексты речей, произнесенных В. А. Кокоревым, Ю. Ф. Самариним, А. И. Кошелевым, А. Н. Карамзиным на обеде 28 декабря 1860 г. в Москве // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 647. – Оп. 1. – Д. 130. – 14 л.
28. Христофоров, И. А. Правительственная политика и «крестьянский вопрос» до и после отмены крепостного права (1830-е – начало 1890-х гг.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Игорь Анатольевич Христофоров. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2013. – 641 с.
29. Хрущов, Д. П. Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. В 3 т. Т. 1: от 1855 до 1858 / Д. П. Хрущов. – Берлин : F. Schneider, 1860. – 416 с.
30. Цимбаев, К. Н. Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века : Опыт использования исторических юбилеев в политических целях / К. Н. Цимбаев // Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом : коллектив. моногр. в честь проф. И. М. Савельевой. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2012. – С. 475–498.
31. Шелгунов, Н. В. Из прошлого и настоящего // Штурманы будущей бури : Воспоминания участников революционного движения 1860-х годов в Петербурге / сост. А. Н. Цамутали. – Л. : Лениздат, 1983. – С. 35–139.
32. Юбилей М.С. Щепкина // Москвитянин. – 1855. – Т. VI, ноябрь. – С. 249–280.
33. Habermas, J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / J. Habermas ; transl. by Th. Burger and F. Lawrence. – Cambridge : Polity Press. – 301 p.

REFERENCES

1. Aksakov I.S. *Pis'ma k rodnym (1849–1856)* [Letters to Relatives (1849–1856)]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 653 p.
2. Aksakov K.S. *Zastol'noe slovo K.S. Aksakova na obede, dannom v Moskve grafu D.E. Sakenu* [Word by K.S. Aksakov Given to Count D. E. Saken at a Dinner in Moscow]. *Russkij arhiv. Istoriko-literaturnyj sbornik* [Russian Archive. Historical and Literary Collection], 1895, no. 5, pp. 119–120.
3. Yakovlev V.V., ed. *Aleksandr II: dva veka v pamjati Rossii (1818–2018)* [Alexander II: Two Centuries in the Memory of Russia (1818–2018)]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2018. 478 p.
4. Arslanov R.A. *Liberal'nyj proekt osvobodzhenija krest'jan v Rossii* [Liberal project for the Emancipation of Peasants in Russia]. *Genesis: istoricheskie issledovanija* [Genesis: Historical Research], 2012, no. 2, pp. 1–49.

5. Barsukov N.P. *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina. V 22 kn. Kn. 14* [The Life and Works of Pogodin. In 22 vols. Vol. 14]. Saint Petersburg, Pogodin and Stasyulevich Publ., 1900. 641 p.
6. Barsukov N.P. *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina. V 22 kn. Kn. 15* [The Life and Works of Pogodin. In 22 vols. Vol. 15]. Saint Petersburg, Pogodin and Stasyulevich Publ., 1901. 552 p.
7. Bartenev P.I. *Vospominaniya* [Memories]. *Rossiiskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv.: Al'manah* [Russian Archive: History of the Fatherland in the Evidence and Documents of the 18th–20th Centuries. Almanac]. Moscow, Studiya TRITE, Ros. Arkhiv., 1994. vol. 1, pp. 47-95.
8. Basargin N.V. *Vospominaniya, rasskazy, stat'i* [Memories, Stories, Articles]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo, 1988. 542 p.
9. Vjazemskij P.A. *Peterburg (otryvok). 1818 g.* [Petersburg (Excerpt). 1818]. *Stihotvoreniya* [Poems]. URL: <http://vyazemskiy.lit-info.ru/vyazemskiy/stihi/stih-50.htm> (accessed 12 October 2019).
10. Druzhinin N.M. *Moskva v gody Krymskoj vojny* [Moscow During the Crimean War]. *Vestnik AN SSSR*, 1947, no. 6, pp. 49-63.
11. Kitaev V.A. *Ot frondy k ohranitel'stvu. Iz istorii russkoj liberal'noj mysli 50–60-kh godov XIX veka* [From the Fronde to the Guard. From the History of Russian Liberal Thought in the 50s and 60s of the 19th Century]. Moscow, Mysl' Publ., 1972. 288 p.
12. Kitaev V.A. *Liberal'naja mysl' v Rossii (1860–1880 gg.)* [Liberal Thought in Russia (1860–1880)]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta, 2004. 380 p.
13. Kitaev V.A. *XIX vek: puti russkoj mysli: nauch. trudy* [19th Century: Ways of Russian Thought. Scientific Papers]. Nizhny Novgorod, Izd-vo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. 355 p.
14. Kokorev V.A. *Vospominaniya davno proshedshego* [Memories of Long Past]. *Russkij arhiv. Istoriko-literaturnyj sbornik* [Russian Archive. Historical and Literary Collection], 1885, iss. 3, pp. 263-272.
15. Levin Sh.M. *Obshhestvennoe dvizhenie v Rossii v 60–70-e gody XIX veka* [Social Movement in Russia in the 60–70s of the 19th Century]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1958. 510 p.
16. Mazur N.N. *Delo o borode. Iz arhiva Homjakova: pis'mo o zapreshhenii nosit' borodu i russkoe plat'e* [The Beard Case. From the Archive of Khomyakov: A Letter Prohibiting the Wearing of a Beard and Russian Dress]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, no. 6, pp. 127-138.
17. Moskva [Moscow]. *Kolokol. Gazeta A. I. Gertsena i N. P. Ogareva: Vol'naya russkaya tipografiya. 1857–1867. London, Zheneva: v 11 vyp.* Moscow, Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1962, facsimile ed., iss. 1, p. 43.
18. Pis'ma k A.N. Popovu (1840–1860) – A.I. Kosheleva [Letters to A.N. Popov (1840–1860) – A.I. Kosheleva]. *Russkij arhiv. Istoriko-literaturnyj sbornik* [Russian Archive. Historical and Literary Collection], 1886, iss. 3, pp. 357-362.
19. Popel'nickij A. *Zapreshhennyj po vysoch. poveliju banket v Moskve 19 fevralja 1858 g.* [Banquet Forbidden by High Command in Moscow on February 19, 1858]. *Golos minuvshego*, 1914, no. 2, pp. 202-212.
20. Pjat'desjat-tret'ja godovshhina Kazanskogo universiteta [Fifty-Third Anniversary of Kazan University]. *Russkij vestnik*, 1857, vol. 12, pp. 59-66.
21. Raporty chinovnika osobyh poruchenij S.N. Palauzova ob otsutstvii narushenij cenzurnyh pravil v prosmotrennyh im knigah i periodicheskikh izdaniyah i o zamechanijah po otdel'nym izdaniyam, prinjatyh k svedeniju [Reports of the Official of Special Orders S.N. Palauzov on the Absence of Censorship Rules Violations in the Books and Periodicals He Reviewed and on Comments on Individual Publications Taken into Account]. *Rossiiskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGLA)* [Russian State Historical Archive (RSHA)], f. 772, op. 1, ch. 2, d. 3989. 68 l.
22. *Revoljucionnaja situacija v Rossii v seredine XIX veka* [The Revolutionary Situation in Russia in the Middle of the 19th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 439 p.
23. Repineckij S.A. *Moskovskij cenzurnyj komitet i politika v otnoshenii pečati nakanune otmeny krepostnogo prava* [Moscow Censorship Committee and Press Policy on the Eve of the Abolition of Serfdom]. *Rossiiskaja istorija* [Russian History], 2011, no. 2, pp. 109-116.
24. *Russkoe obshhestvo 40–50-kh godov XIX v. Ch. 1: Zapiski A.I. Kosheleva* [Russian Society in the 40s – 50s of the 19th Century. A.I. Koshelev's Notes]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1991. 235 p.
25. Sladkevich N.G. *Očerki istorii obshhestvennoj mysli Rossii v konce 50-kh – nachale 60-kh godov XIX veka* [Essays on the History of Social Thought in Russia in the Late 50s – Early 60s of the 19th Century]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1962. 286 p.
26. *Sovremennaja letopis'* [Modern Chronicle]. *Russkij vestnik*, 1857, vol. 12, pp. 203-217.
27. *Teksty rechej, proiznesennyh V.A. Kokorevym, Ju.F. Samarinyam, A.I. Koshelevym, A.N. Karamzinym na obede 28 dekabrja 1860 g. v Moskve* [Speeches Delivered by V.A. Kokorev, Yu.F. Samarin, A.I. Koshelev, A.N. Karamzin at a Dinner on December 28, 1860 in Moscow]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)], f. 647, op. 1, d. 130. 14 l.

28. Hristoforov I.A. *Pravitel'stvennaja politika i «krest'janskij vopros» do i posle otmeny krepostnogo prava (1830-e – nachalo 1890-h gg.): dis. ... d-ra ist. nauk [Government Policy and the “Peasant Question” Before and After the Abolition of Serfdom (1830s – Early 1890s). Dr. hist. sci. diss.]*. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN, 2013. 641 p.

29. Hrushhov D.P. *Materialy dlja istorii uprazhnenija krepostnogo sostojanija pomeshhich'ih krest'jan v Rossii v carstvovanie imperatora Aleksandra II. V 3 t. T.1 : ot 1855 do 1858 [Materials for the History of the Abolition of the Serfdom of the Landlord Peasants in Russia During the Reign of Emperor Alexander II. In 3 Volumes. Vol. 1. From 1855 to 1858]*. Berlin, F. Schneider Publ., 1860. 416 p.

30. Cimbaev K.N. *Rekonstrukcija proshlogo i konstruirovanie budushhego v Rossii XIX veka: Opyt ispol'zovanija istoricheskikh jubileev v politicheskikh celjah [Reconstruction of the Past and Construction of the Future in Russia in the 19th Century: The Experience of Using Historical Anniversaries for*

Political Purposes]. *Istoricheskaja kul'tura imperatorskoj Rossii. Formirovanie predstavlenij o proshlom: kollektivnaja monografija v chest' professora I.M. Savel'evoj [The Historical Culture of Imperial Russia. Formation of Ideas About the Past: A Collective Monograph in Honor of Professor I.M. Savelyeva]*. Moscow, HSE Publishing House, 2012, pp. 475-498.

31. Shelgunov N.V. *Iz proshlogo i nastojashhego [From the Past and Present]*. *Shturmany budushhej buri: Vospominanija uchastnikov revoljucionnogo dvizhenija 1860-h godov v Peterburge [Navigators of the Future Storm: Memoirs of Participants in the Revolutionary Movement of the 1860s in St. Petersburg]*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1983, pp. 35-139.

32. Jubilej M.S. Shhepkina [Anniversary of M.S. Schepkin]. *Moskvitjanin*, 1855, vol. 6, pp. 249-280.

33. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, Polity Press. 301 p.

Information About the Author

Oksana O. Zavyalova, Assistant, Institute of History and International Relations, South Federal University, Bolshaya Sadovaya St, 33, 344082 Rostov-on-Don, Russian Federation; Researcher, Historical Park “Russia – My History”, Prosp. Sholohova, 31 “I”, 344029 Rostov-on-Don, Russian Federation, oxana-z10@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5219-958X>

Информация об авторе

Оксана Олеговна Завьялова, ассистент, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 33, 344082 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; научный сотрудник, Исторический парк «Россия – моя история», просп. Шолохова, 31 «И», 344029 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, oxana-z10@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5219-958X>